

ЕКАТЕРИНА КАРЫТЦОВА

Ни капли нежности

ПОВЕСТЬ



Екатерина Карытцова

Ни капли нежности. Повесть

«Издательские решения»

Карытцова Е.

Ни капли нежности. Повесть / Е. Карытцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905648-1

Сколько людей мы встречаем на своем жизненном пути, сколько судеб. Мы часто и не задумываемся над этим. Мы живем своею жизнью, не замечая окружающего существования. А ведь это само окружение и влияет на судьбу каждого из нас. Мы сформированы благодаря другим людям, мы сами формируем людей. Мы творцы. Наша задача и состоит в том, чтобы мы могли создать свою историю.

ISBN 978-5-44-905648-1

© Карытцова Е.
© Издательские решения

Содержание

Покорить свой край. Создать «картину прошлого»	6
Человек	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ни капли нежности Повесть

Екатерина Карытцова

© Екатерина Карытцова, 2018

ISBN 978-5-4490-5648-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Покорить свой край. Создать «картину прошлого»

*«Когда я закрываю глаза,
я вижу себя со стороны»*

Сколько людей мы встречаем на своем жизненном пути, сколько судеб. Мы часто и не задумываемся над этим. Мы живем своею жизнью, не замечая окружающего существования. А ведь это само окружение и влияет на судьбу каждого из нас. Мы сформированы благодаря другим людям, мы сами формируем людей. Мы творцы. Наша задача и состоит в том, чтобы мы могли создать свою историю и помогли создать историю жизни другим людям.

Человек

– Мне было тогда восемнадцать лет. И это, правда, была моя первая любовь. Я увидел ее на остановке, она ждала тот же автобус, что и я, она смотрела на меня и медленно отворачивалась, видимо, как и я... Я действовал по такому же принципу. Мой мир изменился с ее появлением. Дорогая моя, ты даже не представляешь, как бы я хотел вернуть то время. Как безжалостно время, как оно быстро, и неповторимо... время... Время – оно уничтожает с каждым мгновением все самое дорогое тебе, не жалея тебя.

Говоря последнюю фразу, Вениамин Константинович повернулся к окну и, щуря глаза, рассматривал синее небо.

– Мне кажется, что так всё и должно быть, ведь это жизнь, не так ли? – спросила я у Вениамина Константиновича, который так безжалостно отзывался о своем времени, которое он прожил уже почти восемьдесят лет.

Его выражение лица всегда было очень свежо. На разговоры выходил с охотой. Иногда, бывало, показывал свой нелегкий характер. С виду он был старичком, а душа его была молодой. И я замечала всегда, что с каждым его воспоминанием о своей жизни он менялся, и внешне всё менялось в нем. Он рассказывал историю из своего детства, когда ему было девять лет, и я, смотрев на него, видела этого мальчика, молодого, совсем полного сил и духа.

– О, как ты не права, так не должно быть. Так может быть. Лишь только мы сами можем создавать свой мир и идти по нему прямо, или же завернуть за угол и остановиться, сдать, другим словом. Вот люди и сдаются, а знаешь почему? – я махнула вопросительно головой. – Да всё потому, что так легче. Люди лениво относятся к своей жизни, если выбран счастливый путь, но он так сложен, то люди сворачивают тут же за угол, вот и всё, они становятся несчастны, и их это убивает... Убивает. – Со вздохом и будто с большим камнем на сердце он произнес последнее слово.

Мне всегда казалось, что о смерти он думал с очень большой болью. Даже не казалось. Это так и было. Он боялся умереть, он жить хотел и доказывал мне это. А иногда и я сама задаюсь вопросом: ну почему нам дается так мало времени для жизни и каждый ее проводит по своему, но так скажем – одиноко. Одиноко мы входим в этот мир и так же одиноко выходим из него. А почему нам это дается, для чего? Люди страдают от этого, люди стареют от этого, люди умирают с этим.

– Знаете, я бы хотела всё-таки дослушать историю про вас и вашу первую любовь, а то мы застряли на этом глупом размышлении о времени.

– Да и не глупом совсем... Ну, так вот, когда мы с ней вошли в автобус, она зацепилась сумкой за дверь, я помог ей её вытащить, она поблагодарила меня. Ее милая улыбка... Это всё. Потом она вышла на своей остановке, а я на своей.

Он слегка поддался хрипотце, и приподнялся на локтях. Скользя, по своей подушке.

– И вы даже не попытались с ней заговорить, если она вам так понравилась? – меня это возмутило, так как это было похоже на детскую историю, глупую детскую историю.

– Нет, она мне не понравилась, я ее полюбил.

Это выбило меня полностью. Ну как можно полюбить с первого взгляда не узнав даже имени, и тут я открыла от удивления рот.

– И я тогда не собрался духом с ней заговорить. Я каждую пятницу стоял на той остановке, где мы с ней встретились, а потом выходил из автобуса на той остановке, где вышла тогда она, и с ее остановки шел пешком до дома, и ни разу ее не встретил. Тогда я начал чаще приходить на эту остановку, но ничего не менялось, ее так же не было.

– И как вы ее потом нашли?

– А тебе разве кто-то говорил, что мы с ней еще раз встретились? – с усмешкой спросил он.

И тут меня как молнией поразило. Получается, молодой человек влюбился в молодую девушку, с первого взгляда, так и не опробовав своей любви на яви. Я была этому удивлена. Еще и потому, что не верю в эту любовь с первого взгляда, даже если и так, то она же обманчива, тем более, если она первая.

– Я не понимаю! – тут же, резко возмущаясь.

– Это всё! Ее больше я не встречал...

– Но почему тогда это ваше счастливое воспоминание, почему, раз ничего не получилось с любовью!?! – небрежно его прерываю. Ну, это уж точно за гранью моего понимания!

– Потому что самое прекрасное в мире – это то к чему у тебя нет доступа. И любовь – это не всегда страдание при не достижении ее вплотную. И я устал, тебе это не понять, никому этого не понять, никто меня не понимает, просто улыбаются в глаза, а сами думают, как бы быстрее вернуться домой, никого не заботят наши проблемы, проблемы «стариков», а я должен тут лежать и сам с собой разговаривать. А я думал, что хоть ты одна единственная, кто меня выслушает и поймёт! – сказав это, Вениамин Константинович повернулся к белой стене и укрылся глубже одеялом.

Он любил вытекать плавно из одной темы в другую, любил и умел это делать. Это была хорошая работа для моего мозга. Понять его первое размышление о жизни и тут же переключиться на другое. Он показывал свою обиду. Но я знаю, он не обижен, просто и в правду устал. В его жизни было многое пережито, и он не боится мне все это рассказать. Я даже ему благодарна за это, мне нравится его слушать, и нравится смотреть, как он «сильно» обижается, чтобы скрыться в полусне, так как обычным сном он не спит, он вообще мало спит. Мне это не нравится.

– Ну, нет же, вы снова начинаете, я вас очень уважаю, и всегда с радостью слушаю вас, но иногда я вас просто не понимаю и задаю вам вопросы, потому что хочу понять вас, а вы снова обижаетесь и погружаетесь в себя... Хорошо, я уйду, приду позже, ужин принесу вам, отдыхайте.

Я вздыхаю, и выхожу из комнаты, захлопнув тихонечко за собой дверь, чтобы лишний раз не беспокоить его.

Вениамин Константинович был очень красивым в молодости человеком и в зрелом возрасте не растерял остатки былой красоты. Это я поняла по его фотографиям. У Вениамина Константиновича есть младшая сестра Дарья, но рядом с ним ее нет уже давно. Как-то пять лет назад, она привезла его в дом престарелых, тогда он был очень плох, мало двигался, почти не разговаривал. Я даже в какой-то степени рада, что Дарья привезла его к нам. Если бы этого не случилось, я бы с ним не познакомилась. В большей степени я работаю здесь потому, что мне не хватает моей бабушки и дедушки. Эти добрые старики и старушки заменяют немного мне моих родных старичков.

Я живу недалеко от дома престарелых. Сразу же после училища я устроилась на эту работу. Никогда не опаздываю, и живу, даже, по расписанию. Из «старичков», конечно, больше всего выделяю Воробьева Вениамина Константиновича. Почему именно его? Потому, что в нем есть, что-то такое, что было в моей бабушке. И я вижу в его глазах те же черты, что у бабули, а еще он очень интересный и странный, мне это нравится. Всегда любила странных людей. После того, как Воробьев попал сюда прошло пять лет и он ни разу не упомянул имя своей сестры. Общаясь со мной он не рассказал ни одной истории про Дарью. Будто ее и не было вовсе.

– Вениамин Константинович, я вам принесла ужин, как и обещала. – Вставила я, закрывая за собой дверь ногой, а в руках неся разнос с супом.

– Заходи, Мариночка, заходи. – Резво поднялся он на кровати и сел поудобней приготавливаясь к приему пищи.

– Я смотрю, вы хорошо отдохнули. – Заметила я по его цветущей улыбке, и по тому, как он снова скользит вверх по подушке, помогая себе локтями.

Воробьев ничего на это не ответил, а только лишь начинал кушать суп, прихлебывая каждый раз, закусывая серым хлебом.

– Ты знаешь, – начал Вениамин Константинович – мне кажется, что я птица, которой подбили крылья, и она умирает. У птицы крылья, что у человека сердце. У птиц душа в крыльях, а у человека в сердце.

У него бывает такое, когда он начинает говорить своей душой и в такие моменты мне хочется достать блокнот и записывать за ним каждое слово, как на лекции у философа.

– Не зря, наверное, у вас фамилия такая! – сказала я. Слегка наклоняя голову в веселой усмешке. – а почему у вас вдруг такое ощущение появилось? Вы очень здоровы и я не думаю, что вы умираете. Этого не может быть!

– Физически? Нет! Но даже и физически я с каждым днем все ближе к смерти, но я не про это, я про душевное состояние, когда душа все прожила, и больше ничего не осталось проживать, а осталось только ждать, ждать покоя, ждать, когда ты сможешь покорить край света.

Вениамин Константинович не может ходить. Вместо правой ноги у него был раньше протез, но со временем он начал доставлять большие неудобства и ему пришлось перейти на инвалидное кресло, а в большей степени на кровать. Он потерял ногу в сорок лет, в аварии, которую он, как ни странно, благодарит, так как он считает, что именно она сделала его настолько сильным человеком. Мне страшно и я не хочу, что бы люди думали о своей кончине, я вообще не хочу, чтобы люди умирали, Воробьев заставляет меня вспомнить моих бабушку и дедушку. Комок печали скапливается в моем горле, но я сдерживаю себя.

– Ну не думайте об этом, пожалуйста! Мне становится не по себе, когда вы об этом начинаете говорить! – напряженно вырвалось с моих губ.

Воробьев говорил все это потому, что ему это нужно было сказать, но не просто кому-то сказать, а именно тому человеку, который сможет его выслушать, и не просто выслушать, но еще и понять. Как говорится – человек не должен держать всё в себе, душа может ожесточиться и выражать неприятности. Нужно рассказывать самым близким людям то, что больше всего беспокоит тебя, и дышать станет легче. Самым близким человеком для Воробьева в последний год стала я. Не без гордости, конечно, я это заключаю, но не за саму себя, а за свою бабулю, которая так многому научила свою внучку и в то же время дочку, как она любила меня называть.

Последний год он снова начал слабеть, редко, когда мог встать и пересест в коляску для прогулки. Приходилось иногда вместо прогулки открывать окно, чтобы он мог вдохнуть свежего воздуха. Вениамин Константинович стал больше разговаривать со мной, было видно, что он терял «блеск в глазах» и так хотел поскорее «покорить край света», так говорил он про смерть. То, что будет после жизни.

– Небо всегда меня к себе тянет – сказал воробьев после того, как доел суп.

– Оно всех тянет, ведь, оно кажется каким-то непостижимым для обычного человека, и мы всегда рвемся вверх. – Заключаю я, ведь на самом деле, так оно и есть. Меня снова поднимают воспоминания о бабушке.

– Возможно, ведь я не могу говорить за других людей.

– Расскажите какую-нибудь интересную историю!

Долго не думая он начинает историю.

– Как-то я ехал в автобусе, уже и не помню куда, увидел за окном какое-то здание с большими, высокими, темными воротами, возле которых на земле полусидя, полулежа, находился

парень и горько плакал. Я долго не думая, вышел из автобуса и медленно направился к этому парню, присел напротив и просто смотрел на него. Выглядел он лет на восемнадцать, я думал, что он пьян (как думали и все проходящие люди), но он был полностью трезв. Когда он заметил меня, то посмотрел в глаза, затем отвел их вбок, вытер слезы, и тихо спросил: «что тебе? Интересно, что ли?» Я сел молча рядом с ним и говорю: «Мне? Мне интересно, почему тебе так плохо, что с тобой, если бы я смог тебе чем-то помочь, то я помог бы тебе, только скажи что случилось?». Он сказал тогда, что мама его умерла той ночью. В его доме много людей и он не может там находится, он не может смотреть, как она лежит в гробу, а все знакомые, родственники, сидят, окружив ее, и плачут, и никто не знает, на сколько она была ему нужна, на сколько она была ему дорога и близка, что она намного больше ценна ему, чем тем людям, которые окружили ее своими силуэтами и слезами. А знаешь, что самое главное?! То, что я не смог ему ничего сказать, никак не смог поддержать. Я просто вздохнул и еще долго сидел с ним, уставившись вдаль. Я обнял его крепко, поднялся на ноги, в последний раз посмотрел на него и медленно ушел, думая об этом парне. Как мне было его жаль.

– У меня душа разболелась. – Я чувствовала, как у меня вспотели ладони.

– Душу можно лечить воздухом, свежим воздухом!

– В этом вы правы... А можно вас спросить, – Вениамин Константинович кивнул головой – этого человека вы тоже больше никогда не встречали в жизни?

– Эта история произошла лет сорок назад, как я встретил этого человека, буквально через три дня и я столкнулся со смертью близкого человека. И моя ситуация была так же похожа, как и у того парня. Я ушел из дома. Но это выглядело бы смешно, если бы взрослый мужчина плакал у ворот, но когда плакал этот парень, то было не по себе, и правда болела душа. И я никогда больше не видел этого человека. Знаешь, моя жизнь как-то так странно складывается, что каждый человек в моей жизни приносит мне что-то особое от себя, и больше я не встречаю его. Получается, человек мне что-то дает, а я взамен не успеваю ничего дать, потому что он исчезает навсегда из моей жизни. А возможно что-то и я ему и передаю.

– Получается вас, дразнит Бог людьми, которые могли бы всю жизнь провести с вами, но нет же, забирает их разными способами.

– Ты веришь в Бога?

– Да, наверное. А вы, разве вы не верите?

– Я? Нет, с чего ты взяла это? Думаешь, что человек в таком возрасте обязательно должен был бы податься к Богу, в церковь? – я неопределенно двинула плечами, не зная, как и ответить. – С одной стороны ты права, я подался в церковь, но не сейчас и не к Богу. Помню я стоял возле церкви впервые. Еще не зайдя туда, я слышал, как бабушки разговаривают между собой. Диалог был о том, что каждый человек, приходя в церковь, раскрывает свою душу перед Богом, сознается в своих грехах и просит прощения за них. В общем, всё они делают в церкви через Бога. Так вот, после того, как мой самый близкий человек ушел в другой мир, я решил сходить в церковь один. Я и раньше это делал. Мама часто, когда я был маленький, водила нас в церковь. И вот я решил туда сходить и поставить свечку. Знаешь, я потом каждые выходные ходил ставить свечку. И ни разу, даже подходя к церкви, не задумывался о Боге. Каждый мой поход в церковь состоял в том, что бы попросить у этого человека прощение за все, показать ему свою любовь, и самому для себя помнить постоянно, что он для меня есть, что он не просто был когда-то, а он есть сейчас. Я ходил туда общаться с ним, через церковную свечу, но ни каким образом я и не думал ходить туда к Богу. Может потому, что тем самым Богом для меня стал этот человек. Да, он мой Бог. И вообще каждый близкий человек, покинувший меня в этой жизни, становился моим богом. И так должно быть у всех! Это самое верное общение с Богом, с Богом-человеком, с Богом – родным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.